

АНАТОЛИЙ СОБЕННИКОВ

ПОМЕДЛИ, ВРЕМЯ

КНИГА СТИХОВ

ИРКУТСК 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)7

Собенников А. Помедли, время: Книга стихов. —
Иркутск : Оттиск, 2010. - С. 64.

«Помедли, время» — третий сборник стихов Анатолия Собенникова. Первый «Свет» вышел в Иркутске в 1999 году, второй «Sic transit» в 2003 году. Мотивы круга, времени, природного цикла отсылают читателя к классической традиции.

ISBN 978-5-93219-238-2

© Анатолий Собенников, 2010

Предисловие

В последние годы встречается много поэтических книг, написанных филологами. Некоторые из них — «вещи в себе». Они словно адресованы «посвященным» или задуманы для отработки поэтических приемов, тропов, синтаксических реверансов, сплошь состоят из хитросплетений языка.

Книга, которую Вы держите в руках, тоже создана филологом. Но ее автор решил явиться к нам в узнаваемом образе: в образе путешествующего сквозь времена и пространства. Он предстает в дымке воспоминаний, оглядок назад, пытается коснуться того иллюзорного прошлого, которое хранится лишь в памяти. Лейтмотив поэзии Анатолия Собенникова — движение времени. В этой связи название сборника «Помедли, время» выбрано точно и символично. В книге осмысляется близкое прошлое, из которого смутно проступают силуэты наших отцов, дедов — и необозримая, абстрактная вечность. В стихах Собенникова постоянны попытки ловить бег минут, показать красоту и круговорот времени, связать время и пространство. Иногда кажется, что автор «заговаривает» безвозвратность человеческого пути повторениями: «Покажется — остановилось время...», «И снова время, как лохань пустая, / наполнилось сверкающим дождём», «Значит, время пришло — дописать страницу, / А потом стать облаком и тишиной»... Заглядывание в небытие, будь то ушедшее детство или приходящая неизвестность, звучит в этой поэзии не устрашающе, а ностальгически. Автор не опровергает, как нынче модно, традиции русской поэзии, а продолжает их. Он сам —

воспитанник предыдущих веков, в некотором смысле, раритет, антикварная редкость.

Элегические интонации, философичность и светлая грусть его лирики обращаются именно к русскому сознанию. Анатолий Собенников стремится вернуть нас к чувству, пронизывающему каждого среди суетной повседневности; взвешивает на поэтических весах значимость прожитой минуты, дня, года.

В лирике этого автора дорога верность собственному «я». Где бы ни находился лирический герой: в Париже, в Таволге, в Ялте или на сибирской пустоши, — он остается собеседником, близким автору по духу. Это редкие для нашего сумасшедшего времени стихи, подхватывающие затерянные инструменты «тихой» лирики. Не случайно книга долго выростала вместе с взрослением автора, стала частью его зрелости, укоренения в жизни. Слышна мелодика гитары Рубцова, а издалека звучит, приходит на память блоковская русская тема. Эти стихотворения именно звучат. Их автор тонко чувствует гармонию аллитерации, владеет слогом и напевной интонацией байкальского простора: «Все весть из дивных уст», «смугла игла, кругла пластинка», «осеннее небо слоится»... Стихотворения произносятся протяжно и по-русски мелодично. Может быть, поэтому (потому что все мы — русские люди) лирика Анатолия Собенникова кажется обращением к дорогим поэтам, перекличкой, на которую отвечает пусть не голос ушедшего поэта, но общекультурное эхо («не пылит в одночасье дорога...»).

Автор лишен наносных страхов: боязни самопрезентации, откровенности, страха повториться. Его поэтическое мировоззрение не новаторское, не крикливое, но устойчивое и архетипичное. Образ бога-Отца, библейские аллюзии, растворенные в жизни, символика дорог, ветров, колодцев — все это делает мир поэзии Анатолия Собенникова понятным и универсальным.

Анастасия Губайдуллина

Врастаю в жизнь, так дерево вырастает
и так трава вырастает в чернозём.
И снова время, как лохань пустая,
наполнилось сверкающим дождём.
И город уходящий, словно путник,
рокадами расчерчивает тьму.
Врастаю в жизнь, как в небо первый спутник,
и всё приму, и даже смерть приму...

Божественный апрель!
В купели тёмных вод
Душа воскресла вновь,
И жизнь воскресла в теле.
Божественный апрель!
Капель опять поёт
О том, что умер Бог,
И Бог воскрес в апреле.
Божественный апрель!
Я слышу треск и хруст,
Разомкнут тёмный свод,
И облака, и льдины —
Всё весть из дивных уст,
Что мир уже не пуст,
Что я и мокрый куст,
И ледоход — едины!

Есть в России трава, и тропинки,
Одуванчиков жёлтая рать.
И над каждым цветком и былинкой —
Благодать.
Перистые и кучевые
Проплывают опять облака
Над умершими, и над живыми,
Над пришедшими издалека.
Не пылит в одночасье дорога,
Как солдаты, застыли кусты.
Покажи мне гонимого Бога,
Не стыдящегося наготы.
Покажи не в сиянии Славы,
Той, что ведома людям земли,
А другим, проходящим по травам,
Босоногим, в дорожной пыли.
Покажи сиротливым, счастливым,
Как запомнил я в детстве отца,
Под широкой раскидистой ивой,
Благодушного от винца...

Лето Господне

(подражание В. Блаженному)

Мне бы в тёплые травы упасть на пригорке,
Мне бы мошкою стать и былинкою стать бы.
Ибо в церкви зелёной венчанье и — «Горько!»,
Ибо лето Господне — играют свадьбы.

Я себя узнаю в этом скопище малых, убогих,
Среди птиц, насекомых, жужжання и пенья.
Я такой же, как все, единица из многих,
Моё горло хрипит, как труба, в нетерпении.

Вот и времени бремя нести нелегко мне,
Все сюжеты избиты на вечные темы.
Но в любовном безумье мне слышится: «Помни,
Все мы были, и все мы достойны поэмы».

Люблю любителей стихов,
И оперенья облаков,
И ветра голос на юру,
И листьев пёструю игру...
Люблю открыть я ночью слух,
Когда витает лунный пух,
Когда испуганно звезда
Летит, как птенчик из гнезда...

Море

Насте

А море было чуть солёным
и горьковатым чуть на вкус.
Оно казалось нам зелёным
и полосатым, как арбуз.
Оно неведомым казалось,
оно вздымалось из глубин,
и горизонта не касаясь,
сливалось с небом голубым.
И всё, что мимо проходило —
деревья, люди и века —
оно в себе не отразило,
как отражало облака.
И человечье наше горе,
и то, что мы зовём судьбой,
не растворятся ли в просторе,
вот в этой дымке голубой?

Ялта, 2005 г.

Бискайский залив предо мною лежал,
Байкальские скалы мираж отражал.
То память послала мне горький упрёк,
Что море чужое бывает не впрок.
Но чайки качались в солёной воде,
И время кончалось сейчас и везде,
Над плоским заливом, под синей дугой.
И всё это видел не я, а другой.

Парижа акварельное окно,
открыто в сумрак времени оно.
И вновь с картин Ван-Гога излилась
осенних листьев золотая вязь.
Открой себя навстречу, Нотр-Дам,
где колокольный звон и птичий гам,
где месса заставляет замереть
от ужаса, что можно умереть.
Пусть, мы умрём, но всё равно придём
к тебе, Париж, России отчий дом,
придём к твоим музеям, и садам,
к твоим камням...

Есть встреча времени и места,
Есть встреча звука и трубы,
Есть встреча озера и леса,
Есть — человека и судьбы.
И сердцу бедному знакомо
Всё то, что явлено в словах:
И эта кромка водоёма,
И этот дым на островах.
И фиолетовые сети,
Что в воду брошены с небес.
И этот час, мгновенья эти,
Когда молчат вода и лес.

Хранитель потира — священник седой — восходит звезда над байкальской водой. Над сумраком алым — сиреневый свет, хранитель Байкала оставил свой след. И где бы я ни был, я вспомню всегда, как с розовым небом мешалась вода, как кровью священной наполнен потир, как боги людей созывали на пир...

Я не птица с подбитым крылом, и не ангел
с крылом опалённым, я хочу говорить о былом,
о живом, пусть уже отдалённом. Пусть
уже уходящем туда, где уже не пройдем,
не увидим: ни в сугробе застывшем следа,
ни того, что под снегом невидим. Уходящее
время, прости, прохудились ячейки у сети, мне
с тобою венки не сплести, и растрёпаны
старые плети. Но осталась под левым крылом,
то ли рана, горящая с лета, то ли боль
о живом, о былом... Дорогая, любимая, где ты?

Значит, нету разлук.

И. Бродский

Над сибирской равниной,
только ветер летит над равниной,
где болота ползут и трещат, как рванина,
где и осень босая бредёт и уходит по кромке,
где лежат облака, как краюхи в холщовых котомках.
Значит, нету разлук, и назначены новые встречи,
в суете городов ты положишь мне руки на плечи,
я опять оглянусь, и опять я тебя не узнаю,
и сырою листвой и дождями вослед зарыдаю...

Я долго жил, а значит, забывал,
и я лицо твоё навек забуду,
и кто сказал, что жизнь подобна чуду,
я в ней чудес, прости, не замечал.
Бомжиха-осень плачет за окном,
швыряя листьев ржавые монеты,
и как учили музы и поэты:
я не жалею больше ни о ком.
Вот первый снег, вот карты площадей,
они раскинуты от нас до Бога,
и на скамейках людям одиноко,
и одиноко Богу без людей.
Я долго жил, а значит, забывал,
и я лицо твоё навек забуду,
но в смертный час поверю в Бога, в чудо,
и вспомню всех, кого я потерял...

Экскурсовод нам говорила о
писателях, о декабристах,
и было в мире пусто, и светло,
и первый снег лежал на листьях.
Под этой беломраморной плитой...
летучий прах... тот миг чудесный...
и смерть поэта... девушка, стой,
а что о смерти нам известно?
И я умру, как сумрачный поэт,
как миллионы Ивановых,
но в частной жизни славы нет,
а в общей нет героев новых.
Пройдут года, рабочие придут,
сравняют прежние могилы,
и новые надгробья возведут —
многоэтажек ряд унылый.

Осенняя тяжесть распада,
и ржавая жалость болот.
И слов, дорогая, не надо,
что всё в этом мире пройдёт.
Противиться я не умею
распаду души и стиха,
я сердце твоё не согрею,
прости, но природа тиха.
Осеннее небо слонится,
и сердце с дождём заодно,
и что с нами завтра случится,
любимая, знать не дано.

Опять дорога убегает,
Ржавеют листья и ботва.
Страна моя, никто не знает,
Как беззащитна синева,
Как вдоль дорог стоят берёзы,
Открыты взорам и ветрам,
Как дождевые льются слёзы
По их измученным стволам.
И это знание чем измерить,
В купе проснувшись поутру?
И остаётся только верить,
Что с ними вместе я умру...

Ярославль, 2005 г.

Таволга —
уральское село...
избы деревянные, оконца.
Было солнце, да оно зашло,
красное показывая донце.
И такой же точно красный круг
вертится и, будто бы, хохочет...
созревает, словно в грядке лук,
под рукою мастера горшочек.
Таволга — уральское село,
облаков пасхальные скорлупки.
Я гляжу на это ремесло,
удивляясь, как изделия хрупки.
Будет обжиг, роспись... вечный круг,
но посуда глиняная бьётся.
Так у Бога: выпало из рук —
на гончарный круг опять вернётся.

Такое сиянье, родная, такое,
Такое мельканье прозрачных стрекоз!
Но в августе небо над нами другое,
Иное свеченье осин и берёз.
Уже увяданьем охвачено лето,
Уже над горами висят облака.
Не знает кузнечик, что песенка спета,
И путник не знает, что ноша легка.
Пойдём, дорогая, всё выше и выше,
Где камень и щебень, слюда и вода.
Кто дальше уходит — становится ближе,
И то, что проходит — пребудет всегда.

Там, где ветер гуляет по сизым холмам,
словно дух запустенья прошёл по домам.
Заколочены окна, ворота стоят,
как забитый сержантом салага-солдат.
В этой жизни несладко и нам, городским,
так зачем я брожу по дорогам пустым,
там, где ветер гуляет, как парень хмельной?
Вот и мне не вернуться однажды домой...

Тётя Пана, тётя Пана,
и доньне мне видны
три китайских богдыхана
на комодe у стены.
Головой они качают,
в толк, как видно, не возьмут,
что же это означает,
люди жили и — умрут.
Те, что ели, те, что пили,
пели песню про Сибирь,
все давно лежат в могиле,
где покой и вечный мир.
Дядя Кеша, дядя Сеня,
и отец мой Самуил,
и над ними, и над всеми —
хор недвижимых светил.
Три китайских богдыхана
всё глядят из далека...
тётя Пана, тётя Пана,
разве память — на века?

Эти избы, просёлки
среди гулких холмов,
среди синих и жёлтых,
среди белых цветов.
Три пути, три дороги
есть всегда у меня:
коль налево поеду —
потеряю коня.
Только то я узнаю
у цветов и травы:
коль направо поеду —
не сносить головы.
Ну а прямо дорога —
то неведомый путь,
напророчит сорока
про судьбу что-нибудь.
Даже в сказках — напасти,
разоренье и дым...
вот и Горе-Злосчастье
бродит полем твоим.
Где равнина, и воля,
где и морок, и сон,
моя русская доля,
мой последний поклон.

Когда скрипели половицы,
когда топила мама печь,
я слышал голос вещей птицы,
что жизнь и время не сберечь.
И я запомнил с колыбели
людей ушедших голоса...
Как равнодушно смотрят ели,
как безразличны небеса!

Облако — и поле ромашек.
Одна — и тысячи смертных рубашек.
Белым полем и белым светом
Уйду на волю прощальным летом.
Прощай же, поле, прощай, дорога,
Таких убогих у Бога много.
Тихо облако в небе тает,
И что за полем — никто не знает...

Памяти Игоря Соловьёва

Переходя из круга в круг,
Идём по жизни мы кругами.
Опять судьбы натянут лук...

И вновь жужжит веретено,
И Парки, вещие старухи,
Сплетают нити в полотно...

И Север вновь сменяет Юг,
И нас метель ведёт по кругу,
И смерть очерчивает круг...

На горе — монастырь, под горою — река,
над рекой и горой — облака.
Вот и время по плитам идёт облаков
из прошедших годов и веков.
И оно, как охотник, кружит по горе —
ищет след мой на стылой траве.
И берёзы оставят у самой воды
облетевшие листья — следы.
За листвою и травой я отправлюсь вослед
в ту обитель, где времени — нет.

Музыка

Опять поёт Эдита Пьеха
Про город детства, город-сон...
Не долетел я, не доехал,
Был прав скрипучий патефон.
Смугла игла, кругла пластинка,
И молчаливы небеса...
И тают, тают, словно льдинки,
Друзей ушедших голоса...

Чабрец

Отчий дом... мне не вспомнить крыльца,
где упал и заплакал впервые.
В переездах забыл я отца,
и тропинки забыл полевые.
Словно память — амбарный замок,
из хранимого, что мне сгодится?
Скудный хлеб, заготовленный впрок,
или небо из серого ситца?
Но однажды увижу чабрец —
вечный запах степного раздолья —
и проснусь... и как прежде отец
всё сидит и сидит в изголовье.

Вези меня, поезд, вези далеко,
туда, где течёт и течёт молоко,
где берег кисельный, где пиво и мёд,
где в тереме чудном царевна живёт.

Вези меня, поезд, вези, дорогой,
туда, где жар-птица, где конь, как огонь,
где печь и Емеля, где меч-кладенец,
где юная мама, и жив мой отец...

Пух тополиный на слуху опять,
опять дождя нежданного рябинки,
в лесу опятам — вырастать,
и высыхать, любимая, слезинкам.
Так жизнь ведёт по узким городам,
по долам нас ведёт с тобой и весям.
Из прошлого, что вечности отдать,
и на весах судьбы ещё что взвесить?
Пух тополиный, безымянный пух,
гремят дождя незримые октавы.
Мир, словно гриб, он временем набух,
и жизни сок излил в цветы и в травы.

Дожди, дожди, над всей Россией
Неутешительный прогноз.
И листья малые, большие
Летят с застиранных берёз.
Часы стучат, как клювом, в темя,
Секундной стрелкою дрожа.
Вот так уходит наше время
Под пенье ветра и дождя.
Родная, ничего не бойся,
Ведь мы дожили до седин...
Пусть дождь, докучный, как пропойца,
Бредёт по улицам один.

Годы подобны шарам из стекла и надежды.
Что их удержит? Есть вечная тяжесть земная...
Хочется жить и смеяться, как прежде,
Только уходит земля из-под ног, дорогая.
Люди – не горы в сияньи снегов и покоя,
Хрупкое пламя, судьбы дуновенье...
Что ты о жизни узнала, родная, такое,
Чтобы страшиться забвенья?

В Баденвейлере

В этом городе ветер, блестят под дождём черепицы,
только здесь ощущаю себя перелётною птицей,
только здесь понимаю — иные есть люди и страны,
только здесь под ногами хрустят, словно чипсы, каштаны.
Я б хотел умереть здесь однажды на узкой постели,
и вина попросить, когда жизнь уже на пределе,
и тебе перед смертью «ich sterbe» шепнуть, дорогая,
о памяти вечной?.. о вечном забвеньи?.. не зная...

В Подкаменной проснуться рано
 В утробе утра, как святой Иона.
 И первый снег — подобье океана —
 Такой же горький и чуть-чуть солёный.
 И погрузиться в тишину, как в вату,
 Собаки спят, уснули в гнёздах птицы.
 И если все мы в чём-то виноваты,
 То только в том, что довелось родиться.
 Покажется — остановилось время,
 И первый снег, и толща океана,
 И мир — мой кит, и я покинут всеми
 В Подкаменной
   в утробе
   утром рано.

Какая вата — облака —
и мишура в лесу какая!
Пусть спит промёрзшая река,
в разломы времени стекая.
Нам обещает календарь
снега и новые метели.
Останься на сердце, январь,
восторгом ледяной купели!

В серебряном саду январском,
туманом, озером, волной,
блеснуло донцем чаши царской,
и отразилось тишиной,
и вновь скользнуло полукругом,
упругим ветром у лица...
Где дятел монотонным стуком
будил уснувшие сердца,
там без конца и без начала,
туманом, озером, волной,
меня, безродного, качала
зима в утробе ледяной.

В Подкаменной, в разгаре дня,
Лыжни извивы.
Спросила птица у меня:
«Ах, чьи вы, чьи вы»?
В Подкаменной метёт метель,
Да мягко стелет.
И жизнь проходит без затей
На самом деле.
Не только наледь на реке —
На сердце наледь.
Дрожит стакан в моей руке,
Хотя и налит.
Всё получается не так,
Как стол без соли.
И водкой вылечить никак
Нельзя той боли.
В Подкаменной бьют сто ключей,
Да из-под камня:
«Ах, птица, птица, кто я, чей,
Не знаю сам я».

Город уснул и ладони предместий раскинул,
смежил усталые веки, дома,
как тяжёлые, серые птицы присели в сугробы.
Только фонарь одинокий глядит на дорогу.
Только такси у киоска... кого ожидает?

Город уснул и ладони предместий раскинул,
смежил усталые веки, дома,
как тяжёлые, серые птицы присели в сугробы.
Взор подниму и увижу: неведомый город,
там миллионы домов и огней миллионы,
ангелы там освещают пришедшим дорогу...

И. Левитан

Постою я над вечным покоем,
где рекою плывут облака,
где и время уже не такое,
где и ноша земная легка.
За плечами вся жизнь, как котомка,
впереди — покосившийся крест.
Только птица окликнет негромко,
и опять тишина до небес.

Тихо крутятся колёса, шестерёнки и ремни, и летит
листва с откоса, и бегут за днями дни. Не найти
на них управы, кнопку «стоп» мне не нажать,
не для славы и забавы будут женщины рожать.
И пойдут тропой знакомой, и пройдёт за родом
род... дочь уехала из дома... вот такой круговорот.

Послушай, как дышат растенья,
в Господнем Саду тишина,
в осеннем моём запустеньи
лишь музыка эта слышна.
Послушай, как капают капли,
как время уходит в песок,
фонарь одинокий, как цапля,
свой жёлтый прикроет зрачок.
Вот так засыпает посёлок,
собаки усталые спят,
и осень взойдёт на пригорок,
рассыпав пригоршню опят.
Ты слышишь, как дышат растенья,
какая стоит тишина?
В осеннем моём запустеньи
лишь ты мне, родная, нужна.

Пришла зима, пришла скольженьем,
весьма затейливым сложеньем
метели в пятницу с утра
и улиц узких для движенья,
но то... извечная игра.
Прощай, души моей отрада,
вчера осенняя прохлада,
сегодня ветер и мороз,
и будет всё опять, как надо,
и понарошку, и всерьёз.
Пришла зима, скажи на милость,
случится всё, что не случилось
(что было, то уже прошло...).

Пришла зима и удивилась,
как в этом городе светло!

Помедли, время, погоди, постой, часы спешат,
щебечут птицы. Помедли, время, не шурши
листвой, руке дай шанс — перевернуть страницу.
Помедли, время, пусть метель метёт, бумага ждёт,
и жизнь строкою ляжет. Мне жаль одно — идёт
за годом год, кто их сочтёт, и кто о них расскажет?

Я буду сторожем ночным хлебать из кружки чай,
а за окном мороз, и дым, и дребезжит трамвай.
Но где-то в звёздной вышине возникнет звук
иной, и он, как боль, умрёт во мне и станет
тишиной. И смертным гибелью грозя, среди
фанфар зимы, ударит свет в мои глаза из самой
тёмной тьмы. Умрут с пастушкою пастух,
и с колосом зерно, и мне не нужен будет слух
и зреньё не нужно. А за окном, почти седым,
снега и ночь тихи. Я буду сторожем ночным,
чтобы писать стихи...

Любовь, любви, люби, любовью — поёт вода
в ручьях весной. И мать прикинёт к изголовью —
усни, усни, сынок, родной... Отец разломит хлеб
руками, и станут солью облака... Любовь, любовь —
гремит веками, и не кончаются века...

Храм выростал, как дерево растёт
Из корневищ, из тёмных вод,
Вздывая кроны-купола...

И было сочетанье глав,
Как прорастанье вечных трав,
Как оперенье дивных птиц...

Храм выростал и был, как мир, един,
Он из земли поднялся, из глубин
Кровавых войн, раздоров, мятежей...

Но время проросло смолой,
И стал огонь его золой,
Хранящей память об огне...

Я к храму шёл — шёл храм ко мне!

Кижы, 2004 г.

Новгород Великий

За речью невнятной лесов и болот услышу иное
реченье, и скудное солнце от тех же щедрот, и летнего
неба свеченье. Что толку от модного слова «геном»,
я знаю лишь то, что нетленно, и колокол гулкой
расскажет о том, как вместе бежали из плена.
От каменных стен мне не будет тепло, но будет
на сердце отрада, здесь время с тобою нас вместе
свело, как душу и вечность лампада.

Пряди, Лахесис, жизни нить,
пряди суровую рукою,
и ничего не изменить
в узоре, явленном тобою.
Крути своё веретено,
жизнь не случайна в своей сути:
с тобою Клото заодно,
в руках у мойры прялка судеб.
Но как бы третью не забыть,
полубезумная, слепая
Атропос режет эту нить,
навечно в Тартар отправляя...

Время птицы...

Геннадий Русаков

Время птицы, Марина, время птицы,
Видишь, крылья растут у меня за спиной.
Значит, время пришло — дописать страницу,
А потом стать облаком и тишиной.
Время будет всегда, и судьбы вращенье
Нас опять приведёт в этот странный дом...
Я б хотел, Марина, просить прощенья,
Да не знаю только виновен в чём?

Здесь пятна снега, как поганки,
Вдоль рельс — сплошной металлолом,
Девчонки пьяные в кожанках,
Их рук трагический излом.
Вот сцена жизни, на которой
Играю я за годом год.
Как надоели разговоры
О красоте, что мир спасёт.

Космический ветер срывает звезду за звездой,
Швыряет кометы, как искры, на землю из мрака.
И пал по стерне запускает холодной весной,
И тлеет валежник, и вспыхнет сухая бумага.
Зачем эта ярость бушует и этот огонь?
Так зверю лесному уже не уйти от погони!
Тебе я при встрече раскрою, как сердце, ладонь,
И будет ожог, если наши сольются ладони.

Подражание Ю. Левитанскому

Моё ожиданье полно синевой и листвою,
и радостью встречи.
Не эти ли листья летят над твоей головой
в сентябрьский вечер?
Не эти ли клёны, как будто бокалы вина,
хранят отраженья
высоких соборов, в которых стоит тишина
от дней сотворенья?
И пусть реставратор дойдёт до последних слоёв
последней температуры.
Моё ожиданье любовью полно до краёв,
надеждой и верой...

На горных склонах сонные цветы,
Саган-даля и высохший лишайник.
О суете здесь забываешь ты,
Причастный тайне.
Здесь время растворяется в воде,
Как хлорофилл в растениях.
И ты — во всём, и нет тебя нигде,
Есть блики, тени.
О, как войти в безумный хоровод?
Как перевоплотиться?
Упасть звездой с неведомых высот?
Подняться птицей?
И нет ответа гордому уму —
Есть вечный гул, сиянье света...
Но в смертный час я всё пойму, пойму,
И вспомню это!

Аршан, 2005 г.

Да, я знаю, у жизни опять заготовлены зёрна,
лоно семя возьмёт и зерно борозда,
в поле зверю не тесно, и птицам небесным просторно,
и опять загустеет в бочагах вода.

Наливается соком и клевером спелое лето,
юных женщин походка легка, словно сон,
и над рощей прощальной взовьётся шутиха рассвета,
распадаясь огнями ушедших племён.

Голубая чаша, пенки облаков,
и простор байкальского залива.
Здесь, не на Олимпе, пиршество богов,
здесь склонилась ива как олива.
Время голубое вспять не потечёт
по дороге из варяг да в греки,
пусть считает звёзды вечный звездочёт
и в мешок сыпает, как орехи.
Чаша голубая до краёв полна!
...и полны смертельною истомой
ива золотая, спелая луна,
в поле шелестящая солома.

Яблоки

О, яблоко, хрустящее на вкус!
О, яблоня, с тяжёлыми плодами!
И мир, в котором яблоки, не пуст,
И время в нём расчислено — садами.
И свёрнуто, как яблоко, кругло...
Зелёно-алым пламенем объято,
Оно блеснёт, как в витраже стекло.
И обернётся вечной сутью сада!
Мой милый сад, нет смерти и греха,
И яблоки твои — вне потрясений.
Душа, налившись сладостью стиха,
Войдёт к тебе в свой час осенний.

Всё вернётся на круги своя,
Только enter нажми и вернётся.
Возвращенье листвы, возвращенье дождя,
Тень отца под дождём у колодца.
Всё вернётся — кусок и глоток,
Вечный круг от ведра ледяного.
Только enter нажми и шагни за порог,
Где тебя ожидают снова.
Всё вернётся — не надо спешить,
Если сердце любить не устало.
Только enter нажми, и захочется жить,
И конец — возвращенье начала.

Оглавление

Врастаю в жизнь, так дерево вырастает... ..	5
Божественный апрель... ..	6
Есть в России трава, и тропинки... ..	7
Лето Господне	8
Люблю любителей стихов... ..	9
Море	10
Бискайский залив предо мною лежал... ..	11
Парижа акварельное окно... ..	12
Есть встреча времени и места... ..	13
Хранитель потира — священник седой... ..	14
Я не птица с подбитым крылом... ..	15
Над сибирской равниной... ..	16
Я долго жил, а значит, забывал... ..	17
Экскурсовод нам говорила о... ..	18
Осенняя тяжесть распада... ..	19
Опять дорога убегает... ..	20
Таволга... ..	21
Такое сиянье, родная, такое... ..	22
Там, где ветер гуляет по сизым холмам... ..	23
Тётя Пана, тётя Пана	24
Эти избы, просёлки... ..	25
Когда скрипели половицы... ..	26
Облако — и поле ромашек... ..	27

Памяти Игоря Соловьёва	28
На горе — монастырь, под горою — река... ..	29
Музыка	30
Чабрец	31
Вези меня, поезд, вези далеко... ..	32
Пух тополиный на слуху опять... ..	33
Дожди, дожди, над всей Россией... ..	34
Годы подобны шарам из стекла и надежды... ..	35
В Баденвейлере	36
В Подкаменной проснуться рано... ..	37
Какая вата — облака... ..	38
В серебряном саду январском... ..	39
В Подкаменной в разгаре дня... ..	40
Город уснул и ладони предместий раскинул... ..	41
И. Левитан	42
Тихо крутятся колёса, шестерёнки и ремни... ..	43
Послушай, как дышат растения... ..	44
Пришла зима, пришла скольженьем... ..	45
Помедли, время... ..	46
Я буду сторожем ночным... ..	47
Любовь, любви, люби, любовью... ..	48
Храм выросал, как дерево растёт... ..	49
Новгород Великий	50
Пряди, Лахесис, жизни нить... ..	51
Время птицы, Марина, время птицы... ..	52

Здесь пятна снега, как поганки... ..	53
Космический ветер срывает звезду за звездой... ..	54
Подражание Ю. Левитанскому... ..	55
На горных склонах сонные цветы... ..	56
Да, я знаю, у жизни опять заготовлены зёрна... ..	57
Голубая чаша, пенки облаков... ..	58
Яблоки	59
Всё вернётся на круги своя... ..	60

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 19.01.2010 г. Формат 70x108_{1/32}.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 3,7. Уч. изд. л. 2,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 15.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru